

Лев КЕРБЕЛЬ:

Фото Анатолия МЕЛИХОВА

Если бы какая-нибудь фантастическая машина времени собрала всех его героев в одном месте, для них, наверное, понадобился бы целый город. И это была бы удивительная многоязыкая столица мира... Работы Льва Ефимовича Кербеля действительно разбросаны по всему миру, не говоря уже о знакомых каждому россиянину изваяниях Маркса, Ленина, Гагарина...

РЕБЕНОК ТОЙ ЭПОХИ

— Я никому не подражал и не подражаю. Работаю, как работаюсь. Почти половина моих памятников — это реализация моих конкурсных проектов. Я участвовал в конкурсах и их выигрывал. Хотя, когда-то «Суворова» выиграл, но памятник ему заказали не мне. И «Маяковского» моего не поставили, хотя и на том конкурсе, в 1941 году, я получил первую премию — еще студентом был... Так что тут много сложностей было и неприятностей. Но не жалуюсь: жизнь была интересной.

— Когда вы решили стать скульптором? В детстве? В юности?

— Раньше многие говорили, что мне на роду написано памятники Марксу и Ленину созидать (усмехается), потому что я родился как раз 7 ноября 1917 года. Сейчас, конечно, уже так никто не говорит...

Детство у меня, при всех тяготах того времени, было прекрасным. Для меня много значило, что я был пионером, потом — комсомольцем... Мы жили в Смоленске. В Доме пионеров было много кружков, я ходил и в драматический, и в поэтический — чуть ли не во все. Но больше всего любил животных. У меня дома даже был свой живой уголок — куры, кролики, отец с охоты привез волчка, маленькую лисицу. Я ведь биологом хотел стать. А стал скульптором. Случайно познакомился с известным анималистом Ватагиным, где-то в 1933 году. Увидел его работы, и мне показалось, что я так тоже смогу...

Хотя войны тогда не было и вроде ничто ее не предвещало, нас все время готовили к ней... Директором нашей школы был замечательный человек, бывший военный — Иван Андреев, он во время Великой Отечественной погиб на фронте... Так вот он часто проводил с нами такую игру.

Писал «секретный пакет» и к вечеру отдавал его ученику, который жил ближе всех к школе. Тот должен был передать пакет другому ученику, и так по цепочке конверт доходил до того, кто жил дальше всех. К трем часам ночи мы все должны были явиться в школу. Жутко, когда пробираешься по темным улицам, но к трем часам мы все были у директора. Он распечатывал конверт и потом долго с нами разговаривал. Он говорил о том, что мы живем мирной хорошей жизнью, ни с кем воевать не хотим, но надо быть готовыми ко всему, потому что у нас очень много врагов, и главные из них — фашисты. Тогда, помню, прошел процесс над Георгием Димитровым, мы все слушали репортажи по радио, и по-своему уже понимали, что такое фашизм... По утрам мы часто собирались (в шесть часов!), под барабан шли на центральную площадь города и там проводили зарядку. Люди восхищались: «Молодцы! Какие организованные ребята...» Были, конечно, и драки — «крыша» на «крышу», все было...

— Всю жизнь вы были очень советским человеком. А в партию вступили только в 1963 году, когда вам было уже 46 лет. Почему так?

— Я еще во время войны хотел вступить в партию. Служил на Северном флоте. Пошел служить, между прочим, добровольцем. Но случилось так, что наш парторг погиб вместе с подлодкой и моими документами. Следующую попытку сделал уже в 1951 году — подал заявление в парторганизацию Московского Союза художников. Меня все хорошо знали, отнесли ко мне очень хорошо. И вдруг на партсобрании меня начали ни с того ни с сего критиковать. 70 человек проголосовали «за», 30 — «против». Пошло дело в райком партии. А там — эти

«большевики», которые ни в революции, ни в войне не участвовали: как же это так, вы — участник войны, лауреат Сталинской премии, и против вас столько человек проголосовало?... Я их спрашиваю: а разве в Уставе партийном сказано, что необходимо только единогласное решение? — «Ну, вы с нами не спорьте, постарайтесь исправиться, подумайте и через год приходите». Через год — та же история... Оказывается, среди моих однокашников трое строчили на всех доносы. По ним многих посадили, я каким-то чудом уберегся... А критиковал меня на партсобрании один из этих троих...

— А как вы к Сталину относитесь?

— Я Сталина, извините, видел в гробу. Да... Люди из КГБ привезли в три часа ночи в Колонный зал и поставили у гроба Сталина. Я должен был сделать слепок. Томский — маску. Верейский рисовал... Тогда все политбюро у гроба собралось. У кого на лице прямо-таки было написано, что он подлец — так это у Берии: пенсне поблескивало, стоял с таким выражением, что было ясно — он себя уже видит наместником Сталина. Хрущев был унылый — штаны пузырятся, голову опустил, и глазами — из стороны в сторону. Микоян меня раздражал: все время подходил, причмокивал прямо в ухо и говорил: ну, ты похоже, похоже делаешь... А Каганович стоял с развязанными шнурками — не успел, видно, завязать их как следует. Когда я закончил свою работу, мне предложили зайти в буфет — ведь мы всю ночь стояли на ногах, работали... Смотрю, музыканты, которые только что стояли у гроба и играли траурные мелодии, сняли свои черные фраки, манишки у них надеты на голое тело — и вот так они стоят, хохочут, рассказы-

вать анекдоты, жрут бутерброды... Я был потрясен: вот где кощунство, вот где предательство!... Не ждите от меня однозначно осуждения этого человека. То, что он выиграл войну вместе с Жуковым, уже это слишком много значит. Ведь Жуков (а я и его памятник делал, подарил этот памятник Москве в год столетия Георгия Жукова) по всем вопросам советовался со Сталиным... Я — ребенок той эпохи... Мне невозможно отказаться от нее.

— Какие памятники вождем революции, сделанные вами, вы считаете наиболее удачными?

— Мне дорог памятник Марксу в Карлмаркштадте. Боже мой, сколько споров было вокруг его проекта! Мне говорили: такого не бывает, чтобы только голова составляла основу памятника... И что?! Памятник сейчас всеми признан классикой. Удачным мне кажется памятник Ленину на Октябрьской площади в Москве. Это ведь памятник не только Ленину. Это — памятник идее Октября, знамя на нем — символ свободы. А своего Петра я начал лепить давно, почти 30 лет назад. Сейчас, когда видят бюст моего Петра или памятник, который установили недавно в Измайлове, мне иногда говорят: у тебя Петр не тот, что был на самом деле. Тот вроде как хилый был и не так уж умен... А я считаю: дурак столу на болоте не поднимет. Дурак Россию не прославит...

— Что, по-вашему, главное в творчестве скульптора?

— Надо чувствовать время, в котором творишь. Не уходить в мелочную суету. И тогда может оказаться так: делаешь работу о прошлом или настоящем, а получается — для будущего. Время рассудит.

Встречалась
Татьяна СУХОМЛИНОВА

Вот клон - 1999. - 6 нояб. - 45.